

ческих идей, замешанных на поверхностно понятых постулатах иудаизма и зороастризма, взращенных на эллинистической почве александрийской учености, осуществляющей сближение греческой и египетской религиозных доктрин⁸. Двойственная игровая природа алхимии предопределена генетически.

Лейденский папирус (III в.), например, приписывает божественному смеху созидательную миротворящую роль: «Когда бог смеялся, родились семь богов, управляющих миром... Когда он разразился смехом, возник свет... он разразился смехом еще раз — хлынули воды... Семикратный смех породил душу» (Бахтин, 1965, с. 80, прим. 1). Точно уловил игровой характер раннесредневековой алхимии как литературы и литургии Томас Манн: «Мы говорим об остроумии, потому что в маленьком космосе нашей истории этот принцип занимает определенное место... обладает природой гонца на посылах и ловкого посредника между противоположными сферами и влияниями... В стране Черной земли это расторопное легкое, примирительно веселое посредничество еще не нашло настоящего воплощения в каком-либо божестве. И ближе к такому воплощению был Тот (легендарный основатель алхимии; синонимичен *Гермесу Тризмегисту*. — В. Р.)... изобретатель всевозможных уловок» (1968, 2, с. 841). Значит, алхимия — и «гонимый», и «...посредник»?⁹

Так что же все-таки выходит? Алхимический текст, несомненно, свидетельствует о собственной средневековой природе. Это подтверждают авторитеты. Алхимический текст с не меньшей несомненностью свидетельствует и о прямо противоположном — не средневековой своей сущности. Авторитеты, хотя и другие авторитеты, подтверждают и это. Есть мнения, располагающиеся посередине. Интерпретаторы-химики усматривают в алхимии химию — с той или иной мерой полноты. Они же отмечают ее своеобразный теоретико-практический, понятийно-ремесленный, космически-прикладной облик; чувственно-рациональную ее природу.

⁸ М. М. Бахтин блистательно доказал двойственный характер собственно средневековой культуры, противопоставив в ней официальное — внеофициальному, серьезное — гротескному, карнавально-смеховому (1965). Отношения официального средневековья и алхимии как периферии средневековой культуры таковы, что и алхимия мыслится столь же двойственным подобием официального средневековья в пределах культуры европейских средних веков.

⁹ Гротеск, карнавал, шутовство, пародия... Все это точные характеристики определенной исторической реальности — народно-смеховой культуры позднего средневековья. Grimаса боли. Смех навзрыд. Самобичевание — самоутверждение. Смех и слезы сразу. Щемящее чувство обиды и стыда. Простой перенос понятий этого ряда на алхимию едва ли уместен. Вместе с тем, если только посмотреть на алхимию с позиций культуры нового времени, алхимия и в самом деле предстанет пародийно-гротескным монстром, искривившим, передразнившим каноническое средневековье. Самосознание же самих алхимиков (особенно в пору высокого средневековья), истоиво серьезных делателей дела, не дает оснований к карнавально-смеховым характеристикам в духе Бахтина. Все встречающиеся далее «карнавалы» определения алхимии — это определения, так сказать, со стороны и с высоты; они далеки от самоопределения этой деятельности, хотя и призваны помочь ее анализу. Почти гротеск. Но все дело именно в этом почти.